

Стихотворения, предложенные в ТОП-10 "Кубка Мира по русской поэзии - 2013" членом Жюри конкурса. Лучшие 10 стихотворений Кубка Мира будут объявлены Оргкомитетом 31 декабря 2013 года.

1 место

Конкурсное произведение [189. "Забывтый"](#)

А вас всё нет. Темнеют крыши,
Луну – и ту погрызли мыши,
И крошки звёзд шуршат всё тише...
Лишь темнота и маета.
Я вечно жду вас у порога.

Как не погладить хоть немного
Такого нежного, незлого,
Такого мягкого кота?

Как не вернуться в царство лени?
Когда вокруг ложились тени,
Меня вы брали на колени,
Шептали добрые слова.
Я – кот любовного касанья,
Я – кот счастливого урчанья,
И ловля снов – моё призванье,
Тех снов, где больше волшебства.

Но вы погладили другого, –
Ловца мышей, убийцу злого,
Кота хитрющего, худого,
Поймите, это – западня.
Он вас обидит. Встанет шёрстка,
Сверкнут глаза нежданно-жёстко,
За всё – кровавая полоска, –
Тогда вы вспомните меня.

Тот кот – коварный сын помоек.
Он душит крыс и землероек,
Кротов и глупых пёстрых соек,
А усмехнётся он – беда!
Он просто кот, и нот хрустальных,
Снов безмятежных, беспечальных,
Надежд и блёсток карнавальных
Не принесёт вам никогда.

2 место

Конкурсное произведение [150. "Остынет ветер, сдует мошкару..."](#)

...остынет ветер, сдует мошкару.
и, пуговицей с ворота, к утру,
укатится душа и сгинет в травах.
изрыта, обездвижена земля.
и вот в дыму, горланя и скуля —
жестоких птиц голодная орава.

куда тебе — да всё равно куда.
звезда тебе — и ладно, что звезда.
звезда, вода, плеснуть воды на кожу.
и некому командовать "ать-два",

и только степь и поле и трава...
а с той, в траву упавшей — как же, что же...

3 место

Конкурсное произведение [116. "Реальность, прощай!"](#)

Как же я оказался на чердаке?
Вот картонный ящик с грецкими орехами -
я зачерпываю пригоршню плодов
и высыпаю их обратно, словно крошечные черепки.
И смотрю сквозь окно на дождливое недружелюбное небо,
небо похоже на мрачного полицейского,
вызывающе жует зубочистки деревьев,
надвинуло козырек горизонта на самые глаза.
Что я здесь делаю?
Прислоняюсь лбом к холодному, точно стетоскоп, стеклу,
и с жадностью созерцаю
кусок еще теплого, еще не отброшенного мира
как ящерица, которая решила оглянуться на свой любимый хвостик,
прежде чем нажать на рычаг,
сократить необходимые мышцы. Реальность, прощай!
Что же я здесь делаю?
Медленно дотрагиваюсь языком до холодного стекла -
стекло горькое на вкус,
за годы пропиталось лунным светом.
Вот так устроена волшебная лампа Аладдина.
Но что я здесь делаю?
Время снежинками отслаивается от меня,
перхоть судьбы.
Я чувствую, как превращаюсь в воспоминание,
прошедшее застывает, словно холодец.
И бабочка, не испытав свободного полета,
вновь становится беспомощной куколкой,
узор морщится на крыльях и сворачивается, подобно вееру.
Еще мгновение и ничего, ничего не останется,
кроме отпечатка прохлады на лбу.
Лунная горечь во рту и пряный запах орехов...

4 место

Конкурсное произведение [237. "Суд"](#)

Ни страны, ни погоста
не хочу выбирать.

И. Бродский

Но пока не начнешь видеть сны на чужом языке,
То не можешь назваться ни франком, ни готом, ни галлом.
Кто-то тихо прошел, не оставив следов на песке.
Кто-то тихо сказал, что великое – в малом.

На рассвете вселенная сходится в каплю росы,
На прозрачных боках изгибаются сосны и дюны.
Кто-то бродит с сетями по краю песчаной косы,
Кто-то смуглый и юный.

Время – то же, а небо и море как будто не те,
И прибой, полирующий скалы, уж слишком проворен.
Истончается свет. Колокольчик звенит в пустоте,
И пейзаж иллюзорен.

Вот на горб перевернутой лодки садится Рыбак
И катает на пальцах меж прочих балтийских диговин
Наши души размером с янтарь или старый пятак –
Просто гальку в ладони.

Запусти нас, Рыбак, поплясать на соленой воде;
Посчитаем круги – верно, будет не больше девятки.
Кто бы знал, что так тихо и солнечно в этом суде,
И прибой лижет пятки.

Но внезапно туманится взгляд, и сжимается грудь,
И волна обращается к слуху печальней и глуше.
Не хотят на балтийской воде ни плясать, ни тонуть
Невесомые души.

5 место

Конкурсное произведение [7. "Да кому они песни глубоких рыб..."](#)

да кому они песни глубоких рыб
когда высохли дни и вокруг намиб
шарит в поисках смысла шарит
когда память пуста и прозрачный жар
протекает свободно сквозь крышки жабр
допотопных бесследных тварей

кто уловит над дюнами длинный звук
если сам себе каждый и слог и слух
если каждый где лучше ищет

между тем когда криком кричит пассат
рыбы что ни промолвят всегда смолчат
оттого их так поздно слышно

очувившись теперь в золотом нигде
мы с тобой говорим на живой воде
под осадком минут зыбучих
но при ветре другом и в часу другом
будто рыбы скелеты на свет всплывём
ускользнувшую жизнь озвучив

6 место

Конкурсное произведение [42. "Минц"](#)

Дед Головань спускается в погреб каждый вечер,
по скользкой лестнице еле ползет со свечкой.
Тётка Марго стоит наверху, причитает:
"Вот безмозглый, лестница скользкая и крутая.
Что там не видел? Всё ведь одно и то же.
Выжил совсем из ума, помилуй, Боже".

Тётка Марго целый день в огороде, в саду, на кухне.
От многих забот голова тёткина пухнет.
То надо варенье сварить, то морковь удобрить.
А дед Головань каждый вечер спускается в погреб

Инесса лежит, ни о чем не думает, кроме
глупых рисунков в своём альбоме.

А дед Головань спускается в погреб и плачет:
"Иначе... Всё могло быть иначе.
Минц, ты слышишь меня, мой Минц?
Мой розовый гиацинт".
Прислонится к стене головой и плачет:
"Иначе... Могло быть иначе.
На что я всю жизнь истратил,
дятел".
Стучит головой и знает, там за стеною цинк.
"Минц, минц, мой розовый гиацинт,
ты слышишь меня, ты слышишь?"
Но в погребе только скребутся мыши.

Девка не хочет помочь, вместо этого сутками
рисует цветы да птиц с бирюзовыми грудками.
С утра до вечера дед сидит на скамейке

в ватных штанах, порванной телогрейке.
Забор покосился, картошка опять не прополота,
а старый дурак ходит в погреб, как будто там спрятано золото,
даже помои вылить не хочет,
а только бормочет, бормочет...
Тётка Марго по-английски не знает ни слова,
услышит и думает: " Бредит бездельник снова".
"Oh my mints, oh my mints, oh my dream and my sickness...
Откликнись!"

7 место

Конкурсное произведение [87. "Last Post"](#)

Pro memoriam J.McCrae & A.Helmer

В двенадцать часов по ночам
Выходит трубач из могилы...

В. Жуковский

Копьями, бомбами, ядрами ли баллист –
мир добывает трупы. Боеприпасы
все подойдут. Какой бы артиллерист
соус ни выбрал, пушечным будет мясо.
Списки убитых в меню фронтовых газет
неукоснительно свежи; вот разве слабо
мелкий шрифт отпечатан, так их уж нет,
стоит ли чётче? Просто урок масштаба.

Азимутальной вилкой берёт буссоль
лакомый кус ландшафта. Обед военный.
Тихий пейзаж до нутра расцарапан вдоль
и поперёк трезубцами наступлений.
Тишь на позициях – это всего лишь вдох
перед зевотой смерти. Окопный бруствер
так же не в силах полусырой горох
тел уберечь, как мир не спасти искусству.

Тонко жужжат названия: шрапнель, картечь,
виккерс. Затвердевает воздуха панцирь.
Ставит флажки на западе маршал Френч,
и на востоке гнётся над картой канцлер.
Планы – в штабных вагонах, а на земле
круг повседневности задан другим калибром.
Пули – крупней шмелей, а поля в желе

из человечины превращены под Ипром.

«Что вы не спите, Хелмер?» – «А вы, Мак-Крей?»
«Сыро в траншее, и, знаете, мучит астма.
Вот допишу стишок и пойду.» – «Ей-ей,
мне не уснуть. Мы все здесь вроде балласта.» –
«Вы ещё молоды, Хелмер, вам жить да жить,
а отдыхать положено по уставу.
Полно, ложитесь. Вот поумерим прыть
бошей, и вы вернётесь в свою Оттаву.»

В месиве грязи преют тела солдат.
Тише ходи, часовой, что оружием звякать...
Пологом плащ-палатки укрыл закат
спящую на полях человечью мякоть.
Ближе к рассвету с востока приходит хмарь
матовой тучей, насквозь проникая в фибры,
жёлтым удушьем вея... Не дым, не гарь –
облако цвета горчицы плывёт над Ипром.

Нет ни свинца, ни молний в одышке туч.
Значит – пора домой? Позабыть атаки,
взрывы, окопы, цензуры штабной сургуч?..
Странно качаясь, спят полевые маки.
Взводы хрипят, эскадроны несутся вскачь.
Полупрозрачной походкой неуставною
по облакам шагая, идёт трубач,
в небо летит и играет сигнал отбоя.

8 место

Конкурсное произведение [279. "Московское море"](#)

Когда этот мир выцветает, становится желто-серым,
она говорит «бывает», а он ей в ответ «наверно».
Она говорит «проходит», а он ей в ответ «наверно»,
и чинит свой пароходик на море, где-то под Тверью.

А ей и в Москве не скучно. Пока дождь танцует джигу,
на мягкой диванной суше она загорает с книгой.
Паркетные волны стонут, по ним проплывает бригом
бамбуковый чайный столик времён китайского ига.

Куда-то под Тверь с тревогой уносятся крики чаек -
они поделить не могут остатки печенья к чаю.
Она к середине пьесы не помнит, что там в начале

и думает: интересно, а как он по мне скучает?

В гостиной стихает ветер, запутавшись в длинной шторе.
А что он теперь ответит, причалив к ней в коридоре,
когда его пароходик, пускай на одном моторе,
вернется в тихие воды её Московского моря.

9 место

Конкурсное произведение [219. "Заблокированное"](#)

Созрела ночь на самом дне у дня,
И темнота касается меня
Туманной бестелесной незнакомкой.
В глазах - крупинки звездного песка,
А город, как чертеж, нелепо скомкан,
Размыт дождями, стерт наполовину,
И винно бродит чертова тоска,
Когда под небом ни черты не видно.
Чадит луны пузатая свеча.
Сон города барочен, но порочен.
И - видит Блок! - когда-то были ночи
Фонарней и аптечной, чем сейчас.

10 место

Конкурсное произведение [41. "Зато не скользко"](#)

бурлят и радуются улицы,
туда-сюда машины носятся,
а он идет себе, сутулится,
и стекла жмутся к переносице.
идет и даже не пытается
себя вписать в текущий социум,
но сотворяет в медитации
нездешний мир с другими солнцами.
идет туда, где небо плещется,
где незабытое не вспомнится,
и поднимается по лестнице,
в свои объятия с бессонницей,
в которых снова длится счастье,
и чай вдвоем, и мчится конница...
а жизнь по-прежнему кончается
и все равно никак не кончится.

